

Домой Цинь Хайяо вернулась уже глубокой ночью.

Вымотанная и душевно, и физически, она бесшумно приоткрыла дверь. В темной гостиной горел одинокий неяркий свет.

Должно быть, родители оставили.

Уходя утром, она предупредила их, что задержится на встрече с коллегами, поэтому вернется поздно.

Цинь Хайяо застыла, глядя на этот далекий огонек, и по ее израненному, онемевшему от боли сердцу разлилось робкое тепло. Так пахнет дом.

Обычно она первым делом шла в душ, но сейчас силы оставили ее напрочь. Это была та самая свинцовая усталость, что въедается глубоко в душу, лишая тело малейшей способности двигаться.

Опираясь о стену, она тяжело опустилась на диван. В полумраке перед глазами поплыли картины прошлого — бесконечный хоровод воспоминаний, где главными действующими лицами неизменно оставались Жуань Ихань и ее собственная мать, Цинь Цинь. Их ярость, их отчаяние, их мука...

А в самом конце — заплаканные лица отца и матери и умирающая, угасающая на глазах младшая сестра.

Цинь Хайяо до боли прикусила губу. Прижав ладонь к груди, она беззвучно молилась.

В этот раз она обязана спасти их всех. Чего бы ей это ни стоило.

Кое-как заставив себя подняться и смыть дневную грязь, Цинь Хайяо вышла из ванной на грани обморока. Она рухнула на постель, уставилась в темный потолок, но сон не шел.

«А-Хань...»

Она была готова терпеть. Была готова сносить любые удары судьбы. Но не думала, что расплата окажется настолько сокрушительной.

Видеть, как некогда любимая девушка смотрит на нее волком, словно на злейшего врага... Сердце обливалось кровью. Казалось, кто-то вырвал его из груди, бросил на землю и топчет, полосуюя беспощадной плетью. Удар, еще удар — до самого мяса, до истощного безмолвного крика.

Она понимала, что надеяться больше не на что. Но отпустить не могла.

Дверь тихо скрипнула. Потирая заспанные глаза, в комнату вошла Цинь Момо. Цинь Хайяо поспешно смахнула слезы. Сонная, ничего не соображающая Момо приподняла одеяло и юркнула к сестре под бок — совсем как в детстве. Она обняла ее за талию и доверчиво прижалась лбом к груди.

Маленькая, хрупкая, пахнущая юностью и теплом... Момо крепко сжала объятия, стремясь поделиться крохами своего тепла. Девочка чувствовала, как тяжело сестре. Да и сама она последние дни засыпала с трудом.

Ей хотелось утешить Цинь Хайяо, но она была слишком мала. Да и как сказать, если голос давно покинул ее?

Чувствуя эту безграничную преданность и любовь, Цинь Хайяо беззвучно всхлипнула и зажмурилась.

В тишине ночи молчание заменяло им любые слова.

Прошло немало времени, прежде чем Цинь Хайяо перестала дрожать. Момо отстранилась и взглянула на сестру, часто моргая влажными ресницами. Руки девочки плавно задвигались, очерчивая знаки:

— Что случилось?

Цинь Хайяо слабо улыбнулась и ласково погладила ее по волосам:

— Почему не спишь? Я же просила тебя лечь пораньше. Завтра едем к врачу, нужно как следует отдохнуть.

Момо пристально посмотрела ей в глаза и снова зашевелила пальцами:

— Сестра, ты не рассказала мне сегодняшнюю сказку.

— Сказку?.. — у Цинь Хайяо снова защемило в груди.

Момо крепче обхватила её за талию.

Спустя минуту тишину спальни нарушил тихий, надтреснутый голос Цинь Хайяо:

— Главной героине наконец пришлось заплатить по счетам. В этот раз она потеряла самое

дорогое — ту, которую любила больше жизни...

На следующее утро семья Цинь поднялась на ноги в полном составе.

Цинь Шань и Хуан Лань встали ни свет ни заря. Момо перед сдачей анализов кормить было нельзя, поэтому завтрак приготовили только для старшей дочери.

Цинь Хайяо выглядела ужасно. Серая бледность проступала даже сквозь плотный слой пудры.

Родители лишь сокрушенно вздыхали, не смея раскрыть рта — властность Цинь Цинь держала их в вечном страхе.

Посреди завтрака на пороге возникла Цинь Цинь. На лице ее играла привычная ласковая улыбка. В руках она держала шуршащий пакет.

— Момо, посмотри, что тётушка тебе принесла!

Девочка испуганно вжалась в стул, пытаясь спрятаться за сестрой. Цинь Хайяо положила палочки на стол.

— Мама.

В кабинете пахло табачным дымом. Цинь Цинь, прикурив сигарету, внимательно разглядывала дочь.

— Неплохо. Раз уж Жуань Ихань устроила вам встречу с достопочтенной Чэнь, значит, ты все-таки сумела зацепить ее.

Цинь Хайяо безучастно стояла напротив.

— Действуй быстрее, — жестко приказала мать. — Нам нужно, чтобы она увязла в тебе по уши, и как можно скорее. У группы «Лунсян» наметились проблемы, и Жуань Ихань — наша единственная лазейка.

В ответ — ни звука.

— Что с тобой, Сяо Хай? — Цинь Цинь насмешливо прищурилась. — Девчонка просто сделала одолжение, а ты уже растаяла?

Цинь Хайяо всегда была покорной. Но с того памятного разговора, когда дочь впервые посмела огрызнуться, Цинь Цинь чувствовала глухое беспокойство. И сейчас темные, бездонные глаза девушки смотрели на нее со странной решимостью.

— А разве нет причин? — тихо спросила Цинь Хайяо. — Мама... неужели ты не можешь просто всё отпустить?

— Отпустить?! — Цинь Цинь расхохоталась. В этом смехе сквозила ядовитая горечь. Она с силой вдавила окурок в пепельницу. — Я боготворила семью Жуань! Считала их своей опорой! И что я получила взамен? Моя жизнь разрушена, мой муж мертв.

Цинь Хайяо стиснула зубы.

Цинь Цинь рванулась вперед, приблизив лицо почти вплотную. Её шепот, зловеющий и леденящий, казалось, исходил из самой преисподней:

— Сегодня годовщина смерти твоего отца. Он разбился в ущелье, от него даже костей не осталось! Слышишь? Мне даже прийти некуда, чтобы помянуть его! И ты смеешь говорить мне об умении прощать?! — Она схватила дочь за плечи. — Когда я родила тебя, мне пришлось бросить всё и вернуться, едва ты успела родиться. Меня разрывало от боли, грудь каменела от молока, я выла по ночам и проклинала тот день, когда появилась на свет! Думаешь, почему я до сих пор жива? Меня держит только ненависть! Жажда мести за твоего отца!

Тем же утром воздух на другом конце города был пропитан тяжелой, предгрозовой влагой.

Бабушка Жуань стояла у окна, опираясь на трость, и задумчиво наблюдала за внучкой, лениво ковырявшей ложкой в тарелке.

Небо затянули свинцовые тучи — вот-вот хлынет ливень. В эти дни погода всегда портилась, бередя старые раны пожилой женщины и увлекая ее мысли в далекое прошлое.

— Сегодня день памяти твоего дяди Цинь, — глухо произнесла бабушка Жуань. На её лицо набежала тень глубокой скорби.

Жуань Ихань замерла, сжав пальцами ложку, и подняла глаза:

— Бабушка, ты часто о нем думаешь?

О трагедии прошлых лет она знала лишь в общих чертах. Ни в прошлой жизни, ни в этой бабушка ни разу не заговаривала с ней об этом напрямую — все подробности Ихань выслушивала исключительно от Цинь Цинь. Сколько бы она ни расспрашивала старушку прежде, та лишь мрачно качала головой и уходила от ответа.

Цинь Цинь утверждала, что госпожа Жуань сжила их со свету. Твердила, что в такой же дождливый день Цинь Хайкунь сорвался на машине в пропасть по вине её бабушки. Из-за этого её сердце иссыхало от ненависти, требуя отмщения. Но Ихань твердо знала: её бабушка не способна на подлость.

В столовой воцарилось молчание. За окном уныло застучали первые капли дождя.

Бабушка Жуань пристально посмотрела на внучку:

— А-Хань, скажи честно... ты что-то узнала?

У Ихань перехватило дыхание, вдоль позвоночника пробежал ледяной озноб.

Старая госпожа еще немного помолчала, а затем неторопливо заговорила:

— Тебе известно, что твой дядя Цинь погиб в автокатастрофе, сорвавшись с кручи. Я годами избегала этой темы... Но отрицать бессмысленно: моя вина в его гибели действительно есть.

Взгляд пожилой женщины затуманился, словно она унеслась на много лет назад, в ту самую ненастную пору.

Семьи Цинь и Жуань дружили поколениями. А Цинь Хайкунь и твой отец, Жуань Нянь, с пеленок были неразлейвода.

У них, как и у нас, наследников всегда было немного. В старых кланах испокон веков ценили многочисленное потомство: дело не только в продолжении рода, но и в элементарной подстраховке. Если с единственным ребенком что-то случится, на ком сойдется клином судьба огромного семейного дела?

Так вышло, что у четы Цинь родился один лишь Хайкунь. Позже они взяли на воспитание мальчика от дальних родственников, назвав его Цинь Хайлуном. Но парень рос нелюдимым, диловатым и упрямым. Держался особняком и так и не прижился в приемной семье.

С годами родители Хайкуня все сильнее мечтали о дочке. И когда сыну исполнилось десять, они удочерили маленькую Цинь Цинь.

Удивительная штука — судьба.

Хайкунь рос отпетым заводилой и драчуном, признавал только силу, занимался боксом и вечно лез на рожон. Твой отец, Жуань Нянь, напротив, отличался мягким, уступчивым нравом. Он никогда не спорил с названным братом и постоянно вытаскивал его из передряг.

Но появление в доме Цинь Цинь преобразило сорванца. Избалованный единственный наследник, плевавший на запреты отца и матери, вдруг стал шелковым. Он слушался сестру во всем и по её просьбе за целое полугодие не прогулял ни одного урока. Родители просто не могли нарадоваться.

Женская ласка растопила лед и в сердце нелюдимого Хайлуна. Он потихоньку оттаял и хотя бы начал называть старшего брата «гэ». Семья наконец смогла собраться за одним столом без ссор. Те годы, пожалуй, были самым светлым и счастливым временем в жизни Цинь Цинь. Четверо молодых людей росли бок о бок, делясь друг с другом сокровенным.

Она росла на редкость умной и проницательной девушкой, ей прочили блестящее будущее. Но карьера её не прельщала. Все помыслы Цинь Цинь были забиты любовью к Хайкуню. Зная его властный, собственнический нрав, она сознательно ушла в тень, занимаясь домашним уютом и не вмешиваясь в дела фирмы. Лишь изредка, когда муж сам просил совета, она высказывала на удивление точные суждения.

Но счастье длилось недолго. Здоровье родителей Хайкуня стремительно ухудшалось, и к его восемнадцатилетию оба ушли из жизни один за другим. Перед кончиной старый глава семейства Цинь призвал к своей постели меня и умолял присмотреть за детьми. Помню, как он хрипел, задыхаясь, указывал дрожащим пальцем на Хайкуня, беззвучно шевелил синими губами, а потом с горечью покачал головой и перевел взгляд на Хайлуна.

Я плакала навзрыд и клялась: «Не переживай, брат, я всё сделаю, уходи с миром». Только услышав мое обещание, он затих навеки.

Осиротевших ребят я воспитывала как родных.

Мне приходилось в одиночку тянуть на себе дела двух огромных кланов. Хайкунь же вырос невыносимо заносчивым. У него были свои взгляды на бизнес. Поначалу он еще слушался меня, но стоило ему опериться, как советы старой женщины сделались ему в тягость. Он принялся безумно вкладывать огромные суммы в сомнительные сделки. Прогорал раз за разом. Подобных трат не выдержит ни один гигант — империя Цинь начала стремительно трещать по швам.

Мои уговоры он пропускал мимо ушей. В конце концов, чтобы спасти остатки семейного дела, я передала половину акций группы «Наньян» Хайлуноу. Рассчитывала, что он станет противовесом безумствам брата. Эти бумаги когда-то доверил мне их покойный отец именно на случай, если придется усмирять непутевых сыновей. Отец ведь знал их как облупленных.

Но эффект оказался обратным. Хайкунь решил, что я его предала. Его эго пострадало, он затаил глубокую обиду. Ему повсюду мерещились враги и косые взгляды. Он уверял себя,

будто все вокруг считают его ничтожеством, кроме преданной Цинь Цинь. Даже в твоём отце, своём лучшем друге, он начал видеть недоброжелателя.

Ослепленный гордыней, он жаждал доказать миру свою состоятельность, но хватки ему явно не доставало. Он влез в долги, пристрастился к азартным играм. Одно оставалось неизменным — его сумасшедшая преданность жене.

Он постоянно жаловался Цинь Цинь на «черствость» Жуань Няня, обвиняя того в нежелании протянуть руку помощи. Цинь Цинь, надо отдать ей должное, поначалу пыталась его урезонить: «Мы же с детства вместе, А-Нянь не способен на низость».

Точкой невозврата стал крупный тендер на застройку. Наши компании оказались конкурентами. Твой отец честно выиграл конкурс благодаря грамотному проекту. И прямо на церемонии объявления результатов Хайкунь устроил безобразный скандал. Тогда они впервые сцепились не на шутку, едва не дошло до драки.

Я пыталась вразумить его. Позвала к себе, говорила мягко: «Хайкунь, в бизнесе бывают взлеты и падения, наши семьи и не такие грозы переживали. Всё наладится. Главное — оставаться честным человеком. Стоит раз ступить на скользкую дорожку, и назад пути не будет». Но он был слишком ослеплен яростью, чтобы прислушаться к моим предостережениям.

А ведь я уже знала, что он ввязался в контрабанду. За ним плотно следили органы безопасности. Опасаясь, что вековое имя Цинь будет опозорено судебным процессом, я жестко перекрыла ему каналы финансирования и лишила рычагов управления, полностью передав дела Хайлуну. Для гордеца Хайкуня это стало смертельным оскорблением. Подстрекаемый сомнительными дружками, он объявил нашей семье негласную войну.

Он рыдал на груди у жены, сокрушаясь о рухнувших надеждах. Цинь Цинь целовала его в заплаканные глаза и шептала: «Всё наладится, у нас ведь появилось маленькое чудо». Она бережно гладила свой живот. Они ждали ребенка, хотя врачи предупреждали, что угроза выкидыша велика и нужно поберечь себя первые месяцы.

Помню, Хайкунь замер, не веря своему счастью:

— Любимая, это правда? Я не сплю?

Цинь Цинь с улыбкой прижала его ладонь к своему животу:

— Срок еще совсем маленький.

В тот миг он прыгал от радости, как мальчишка, крича на весь дом:

— Я буду отцом! У нас будет малыш!

— Кого ты больше хочешь: мальчика или девочку? — спросила она.

Хайкунь крепко обнял её и осыпал поцелуями лицо:

— Девочку! Такую же красавицу, как и ты! Я перепишу на неё все свои акции и сделаю самой счастливой принцессой на свете!

Кто же знал, что всё обернется кошмаром... В день поминовения их родителей мне на стол легли неопровержимые доказательства: Хайкунь продолжал заниматься контрабандой. Конкуренты собрали на него такое досье, что ему светил пожизненный срок. В гневе я впервые в жизни вlepила ему пощечину.

Ливень тогда стоял стеной, дальше вытянутой руки ничего не было видно. Когда перепуганная Цинь Цинь примчалась в особняк, Хайкунь уже пулей вылетел из дверей. На его щеке горел багровый след от моего удара. Ломая ногти, она пыталась удержать его, кричала вслед, но тщетно — он запрыгнул в машину и рванул с места.

А дальше... В таком состоянии, задыхаясь от слез и злобы, он погнал автомобиль по скользкому горному серпантину к кладбищу. В грозу, на бешеной скорости. Случилось непоправимое.

Прямой моей вины в аварии не было, но я до сих пор казню себя. Думаю: прояви я тогда терпение, не сорвись на крик, попытайся поговорить по-хорошему — несчастья удалось бы избежать.

После похорон Цинь Цинь месяц не выходила из своей комнаты, а потом внезапно пропала. Прислала лишь короткое сообщение, что улетает за границу — прийти в себя и продолжить учебу.

Спустя год она вернулась. Сильно похудевшая, с короткой стрижкой, но собранная и спокойная. Поклялась мне, что навсегда покончила с темными делами мужа. Назвала его гибель жестоким уроком за глупость и безрассудство. Обещала честно трудиться, чтобы возродить величие клана Цинь ради памяти усопшего.

Мною двигали и чувство вины перед покойным другом, и жалость к несчастной вдове. К тому же бизнесу Цинь требовалась твердая рука.

Первое время я приглядывалась к ней, искала подвох. Но шли годы, а Цинь Цинь работала не покладая рук, молча снося любые невзгоды. Она не только удержала на плаву группу «Наньян», но и вывела её на новые высоты, сумев наладить отношения с нелюдимым Хайлуном. Тогда я окончательно успокоилась и начала продвигать её интересы как свои собственные.

А потом... Наверное, это было проклятие. Нашу семью настигла та же кара. Твой отец с

матерью поехали в командировку и столкнулись лоб в лоб с фурой. От страшного удара их легковушку перебросило через ограждение прямо в ущелье.

Водитель большегруза погиб мгновенно. А из легковушки спасатели извлекли лишь обгоревшие тела... Расследование показало: виновник аварии уснул за рулем от усталости. Он больше десяти лет возил товары по этому маршруту.

Я нанимала лучших частных сыщиков, но те лишь разводили руками — чистая случайность, никакого злого умысла. После той аварии я словно умерла вместе с ними. Бизнес потерял для меня всякий смысл. Единственное, ради чего стоило жить — это ты, моя маленькая А-Хань. Постепенно я передала все бразды правления Цинь Цинь.

Дальнейшее Ихань помнила и сама. Цинь Цинь вела себя тише воды ниже травы, преданно помогая старой госпоже вести дела компании.

Ихань нерешительно прикусила губу:

— Бабушка, на самом деле...

Вдруг пожилая женщина покачнулась, хватаясь за голову. Ноги её подогнулись.

— Бабушка! — испуганно вскрикнула Ихань, подхватывая её под руки.

Старушка прерывисто, тяжело задышала, силясь поймать ртом воздух:

— Всё хорошо... Просто разволновалась, душно что-то...

Пришлось срочно вызывать доктора Чу. Осмотрев пациентку, он хмуро перелистал показатели датчиков:

— Госпожа Жуань, состояние вашей бабушки внушает опасения. Летний зной и высокая влажность — тяжелое испытание для пожилого сердца. К тому же сказывается хроническое переутомление. Ей необходим абсолютный покой.

В этот миг Ихань захлестнула волна жгучего стыда. Ей безумно хотелось вlepить пощечину самой себе из прошлой жизни. На что она тратила бесценное время? Если бы она взялась за ум раньше, если бы не гонялась за призрачной, фальшивой любовью, разве пришлось бы престарелой бабушке надрываться ради неё на работе?

Рассказать бабушке правду о перерождении? Старушка решит, что внучка сошла с ума. К тому же Цинь Цинь долгие годы оставалась для неё почти родной дочерью. Удар будет слишком силен.

Ихань прикрыла глаза, заставляя себя успокоиться. Спешка всё погубит. Нужно действовать осторожно.

Остаток дня Ихань провела у постели бабушки, ни на шаг не отходя от неё — совсем как в детстве, когда они были друг для друга целым миром. Стоило тогда бабушке слегка закашляться или приболеть, как маленькая А-Хань сходила с ума от тревоги.

Пожилая женщина часто повторяла с мягкой улыбкой:

— Добрая ты у меня слишком, А-Хань, сердце у тебя мягкое. Не для бизнеса ты рождена. Тебе бы путешествовать с любимым человеком, радоваться жизни... Ну а если не захочешь — ничего. Я еще подержу узду несколько лет, а там найдем толкового управляющего.

«Слишком мягкое сердце...»

Что верно, то верно.

Стена бушующего ливня скрыла очертания гор. Цинь Цинь стояла на самом краю обрыва, подставив лицо безжалостным ледяным струям. Слезы смешивались с каплями дождя, стекая по ее щекам.

— Хайкунь, я пришла... — прошептала она, глядя в бездну.

Поскольку тела так и не нашли, у неё не было даже могилы, куда можно принести цветы.

Цинь Цинь откупорила бутылку дорогого алкоголя и тонкой струйкой вылила на камни.

— Наша дочь выросла, — заговорила она с пустотой, кутаясь в мокрый плащ. — Взяла всё лучшее от нас двоих... Только упрямая — вылитый ты. Стала преподавателем. Она могла бы жить спокойной, чистой жизнью, но я... я не могу остановиться. Знаешь, на днях я сказала, что люблю её, а она ответила: «Раньше любила». В тот миг у меня внутри всё перевернулось от ярости. Мне захотелось уничтожить её, задушить собственными руками! Хайкунь, скажи, я сошла с ума? Это всё из-за тебя... Зачем ты оставил меня одну? Какая бы у нас была счастливая семья...

Она судорожно вздохнула:

— Наверное, я где-то просчиталась... Разбудила подозрения в этих старых лисах Жуань. Но так даже интереснее. — Цинь Цинь утерла лицо ладонью и уставилась в непроглядный мрак ущелья. — Пойдем до конца. Если я отомщу им, то оставлю дочь в покое. Перепишу на неё всё состояние, пускай ни в чем не отказывает себе до конца дней. Ну а если проиграю... — Она безумно, нежно улыбнулась. — Что ж, тогда я просто приду к тебе.

За много километров оттуда, в тихой квартире, Цинь Хайяо сидела у постели спящей сестры. Днем их навестила почтенная Чэнь. Вердикт врача обнадеживал: шансы на восстановление голоса были огромными. Операцию назначили уже на следующую неделю.

Родители плакали от счастья, обнимая друг друга, но стоило доктору озвучить стоимость лечения, как в комнате воцарилась тяжелая, гнетущая тишина. Сумма была астрономической.

Цинь Хайяо подошла к окну. Шум дождя за стеклом убаюкивал. Она прислонилась лбом к холодному стеклу, созерцая стекающие капли, а в ушах всё еще звенел тихий, вкрадчивый голос почтенной Чэнь, догнавшей её в больничном коридоре:

— Госпожа Цинь, ваши родители уже в преклонном возрасте, поэтому я не решилась расспрашивать их при девочке. Скажите, с кем общалась ваша сестра перед тем, как потерять голос?

Пожилая, но удивительно бодрая женщина постучала сухим пальцем по снимку МРТ:

— Посмотрите на эти рубцы вокруг голосовых связок. Повреждения крошечные, и на первый взгляд всё списывается на затяжную лихорадку в детстве, о которой вы говорили. Однако характер деформации тканей...

Опытный специалист не станет бросаться голословными обвинениями. Но намёк был предельно ясен: немота Момо — результат жестокого физического насилия. Кто-то целенаправленно лишил ребёнка голоса.

Перед тем как поговорить с Хайяо, Чэнь набрала номер Жуань Ихань. Та выслушала её молча, засыпав парой коротких вопросов, после чего поспешно повесила трубку. Оставшись наедине со своими мыслями у окна офиса, Ихань долго всматривалась в туманную даль. Догадка — дикая, страшная — ледяной змеей вползла в её душу.

Цинь Хайяо не стала устраивать истерик. Она приняла эту весть с пугающим, мертвенным спокойствием, лишь слабо кивнув:

— Я поняла вас, почтенная Чэнь. Пожалуйста, готовьте операционную. Расходы я покрою.

Над тумбочкой покачивался бумажный журавлик. Голубая краска на его крыльях выгорела почти полностью, превратившись в безжизненное белое пятно.

Ливень набирал силу. Дуаньцзы, неотступно следовавший за Цинь Цинь, с тревогой посмотрел на её промокшую насквозь фигуру и негромко бросил дежурившему у тропы парню:

— Следи за ней в оба. Ни на секунду не выпускай из виду.

— Понял, брат Дуань, не сомневайся, — закивал тот.

Дуаньцзы крутанул на пальце связку ключей и зашагал вниз по тропе, намереваясь достать из багажника сухую куртку для хозяйки.

Потоки воды застилали взор, превращая мир в сплошную серую пелену. Зонт едва спасал от порывов шквалистого ветра; брызги летели прямо в лицо. Дуаньцзы чертыхнулся, утер глаза рукавом и нажал на кнопку брелока, подходя к внедорожнику.

Вдруг из-за капота выросла темная фигура. Раздался глухой свист рассекаемого воздуха — тяжелая дубинка с силой обрушилась на плечо Дуаньцзы. Тот даже вскрикнуть не успел. Ахнув от боли, он сильно ударился виском о лобовое стекло и мешком повалился в грязь.

Время шло, но Дуаньцзы не возвращался. Оставшийся у обрыва подручный начал заметно нервничать, однако бросить пост без приказа не смел. Наконец из пелены дождя вышла Цинь Цинь — продрогшая, злая, но с прежним хищным блеском в глазах.

— Где Дуаньцзы? — резко спросила она.

Парнишка сжался под её ледяным взором:

— Он... он пошел к машине за теплыми вещами для вас, госпожа Цинь. Минут тридцать уже прошло, а его всё нет.

Цинь Цинь нахмурилась. Дуаньцзы служил ей верой и правдой больше двадцати лет и отличался феноменальной пунктуальностью. Подобная задержка пахла бедой. Не говоря ни слова, она стремительно направилась к стоянке.

Едва они вышли на смотровую площадку, Цинь Цинь резко замерла. Бежавший следом парень истошно завопил:

— Брат Дуань!

Дуаньцзы лежал у переднего колеса внедорожника. Лицо его было залито кровью, губы посинели, глаза были плотно закрыты. Он не подавал признаков жизни.

Подбежавший подручный дрожащими пальцами прикоснулся к его шее. Нашупав слабый, но ровный пульс, он облегченно выдохнул и принялся быстро осматривать тело.

— Госпожа Цинь... — парень поднял испуганные глаза. — Его оглушили ударом по голове. И... кажется, чем-то опоили. А еще ему сломали челюсть.

<http://bllate.org/book/20651/2134992>